

ЭТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РЕБЕНКА ПО ДАННЫМ РЕЧИ

Н.В. Орлова

Омский государственный университет, кафедра русского языка
644077, Омск, пр. Мира, 55-А

Получена 9 февраля 2001 г.

The expression of ethical estimates in the Russian intellectuals speech is investigated in the article. The author pays special attention to the abundance of the language indirect means and disputes with A. Vezhbitskaya on the moral appraisals categoricalness of Russians.

Онтогенез этического сознания конкретной личности на вербальном уровне опредмечивается в динамике ее лексикона, а также в текстах, порождаемых этой личностью в разные периоды ее развития. То же можно сказать о становлении этических представлений целого социума. Обратившись к высказываниям детей младшего школьного возраста (7-9 лет), мы ставили перед собой несколько задач. Социолингвистический интерес заключался в выявлении отраженной в речи этической компетенции, в частности моральных ценностей, актуальных на данном этапе, собственно лингвистический - в построении семантической модели детской этики. Предполагалось, что, будучи сопоставленной с "взрослой моделью", она даст некоторую информацию об этапах онтогенеза наивных представлений о моральном и аморальном. Материалом для наблюдений послужили мини-сочинения учащихся 2-3 классов омского лицея №29 ("На кого я хочу быть похожим?", "Какой я друг?", "О чем шептал подснежник?", "Что бы я попросил у золотой рыбки?") и устные беседы учителя лицея О.Е.Алексеевой с первоклассниками, которым были заданы вопросы: *Хороший человек - это какой? Плохой человек - это какой? Что значит "бескорыстный"?* и т.д.

Семантическое моделирование в данном случае предполагает выявление системы языковых значений разного уровня, а также отраженных в языке символов и вербализованных ментальных стереотипов, которые прямо или косвенно манифестируют язык этики (объект моделирования). Существенным в процессе построения модели считаем "выявление внутренних связей

между частями и элементами целого" [1,с.100]. Предполагаем, что отдельные языковые маркеры этических смыслов не независимы, а образуют те самые "сети тайных сообществ", о которых говорила А.Вежбицкая применительно к иллюкутивным средствам языка [2,с.253].

Перечень моральных ценностей, опредмеченных в слове, в 7-9 лет невелик. Он включает понятия, выраженные прилагательными *хороший, добрый, дружный, смелый, честный*, глаголами *помогать, защищать, заботиться*, а также глаголами с отрицательной частицей не, которые, впрочем, нельзя назвать выражающими так называемую пассивную мораль: *не предавать, не бросать в беде*. Большая часть школьников 1 класса не знает значений таких слов, как *щедрый, порядочный, бескорыстный, надежный, ответственный*.

Яркой чертой морального сознания младшего школьника является ограниченность того мира, в котором действуют добро и зло, рамками семьи, двора, школьного класса. Идеалом человека в этом возрасте является кто-то из близкого окружения ребенка - мама, папа, бабушка, лучший друг или подруга. Реже "самым хорошим на свете" назывался герой фильма. Антиидеал не персонифицирован. Около 80 процентов детей на вопрос о "самом плохом человеке" ответили: *нет, таких не знаю, таких у меня нет*. Остальные назвали имена брата/сестры или других знакомых детей. По данным устной речи, хорошо просматриваются характерные для этого возраста ментальные стереотипы. Ситуация, диагностирующая в глазах ребенка моральную сущность человека, - переходящая через дорогу

или стоящая в автобусе *бабушка*: хороший человек в этой ситуации ей помогает, а плохой - не помогает. Для дальнейших рассуждений важно заметить: при том, что ситуация явно обнаруживает детский взгляд на вещи (взрослый даже выразился бы иначе - *старушка, пожилой человек*), она не противоречит коренным представлениям русских о добре и зле. Ср. известное высказывание из "интеллигентской речи": "*Мерилом морального состояния общества является его отношение к старикам*" - а также прецедентные речевые феномены, связывающие предел морального падения с отношением к старшему поколению: "*Не жалели ни стариков, ни детей*", "*Родную мать продаст*" и др.

Характер одобряемых или порицаемых действий говорит о том, что объектом этической оценки являются преимущественно сверстники. Ребенок оценивает себя и таких, как он сам: *Для гостей что-нибудь приготовят/ без спросу отрежет/ свест. Плохой человек /это играют маленькие дети в песке с машинкой/ а он пойдет и заберет машинку. Хороший человек/ мама моет полы/ он маме скажет/ дай я помою. Если вышел на перемену/ не бегаем. Из известных составляющих зрелой морали (чувства, намерения, действия) на данном этапе развития личность выделяет лишь последнее - действия, поступки. Обратим внимание: они же наиболее актуальны для этического сознания русских вообще [3]. Просматривается характерное для взрослой этики сближение этических и интеллектуальных оценок [4] и более явное, чем у взрослых, ассоциирование "красоты душевной" и "красоты телесной". Типичными контекстами предикатов *хороший, добрый* в сочинениях являются слова *умный, красивый*. Отметим, что в детской речи отсутствует эстетическая метафора - основное средство сближения этики и эстетики в русском языковом сознании (*красивый душой, безобразный поступок, моральный урод и др.*). Говорящий ребенок поступает иначе: он наделяет хорошего человека телесной красотой и передает такой взгляд прямыми значениями слов.*

Описание моральных ценностей ребенка в возрасте 7-9 лет может быть дополнено следующим наблюдением. В детских высказываниях о плохом и хорошем человеке нередко в качестве эталонной приводится коммуникативная ситуация, т.е. моральный/ аморальный человек проявляется в них как человек говорящий. При практическом отсутствии в лексиконе речевых слов с этической семой (ср. во взрослом тезаурусе: *глать, цедить сквозь зубы, говорить через губу, оскорблять, подзуживать, хвастаться* и многие другие) дети маркируют этические содержание выразительной интонацией, с которой

передается содержание прямой речи после глаголов "сказать", "говорить": *Бабушке надо перейти/ он скажет/ сама перейдешь. Это когда мальчик подойдет играть/ а он скажет/ да пошел ты. Старая бабушка моет пол/ принеси воды/ он скажет/ сама принеси. Кто спросит время/ а он скажет/ бери сам часы. Если его толкнут/ он не толкнет/ а просто скажет/ не толкайся. Хороший человек скажет/ дай я пойду за хлебом. И так, для детей так же, как и для взрослых, важно, что сказано и как.*

Особое место среди моральных ценностей младшего школьника занимает дружба. В сочинениях на разные темы дети так или иначе обращаются к данной категории. От наличия / отсутствия друзей зависит самооценка. Иметь хорошего друга - заветное желание. Для многих друг - самый лучший и самый любимый человек. Сказанное подтверждается текстами сочинений *Почему я лучше всех? Что бы я попросил у золотой рыбки? Что я люблю больше всего на свете?* и др. Мотив дружбы неизменно присутствует в сочиненных детьми сказках о цветах: *Бабочка говорит одуванчику/ Давай с тобой дружить. Я с тебя буду пыльцу собирать. Или: Снежинка села на лепесток подснежника. Они познакомились/ но подружиться не успели. Снежинка растаяла. Любопытны ненормативные высказывания, в которых актуализируется положительные коннотации слов "друг", "дружный": Я смелый друг. Я дружный друг (из сочинений на тему "Какой я друг?"). И так, ощущение "значимости беззаветной дружбы в русской иерархии ценностей, нашедшей отражение в русской литературе и русском языке" [2, с.341], присутствует уже в сознании 7-9-летнего ребенка. Для нас интересно то, что в этом возрасте ребенком усвоены национальные представления о дружбе, выраженные в стереотипах русской речи: *Я хороший друг, потому что не предавал ни разу своего лучшего друга. Если друг попал в беду, я помогаю. Я никогда не оставляю друзей в опасности. Я не даю друга в беду. Я не люблю, когда предают.* Таким образом выражается мотив дружбы, которая должна пройти испытание. Ср. с прецедентным высказыванием "Друзья познаются в беде".*

Перейдем к собственно лингвистическим наблюдениям. Раскрывая содержание абстрактных этических предикатов "хороший - плохой" человек, дети, как и ожидалось, повторяли морфологию значительной части русских пословиц и предьявляли эталонные, с их точки зрения, примеры: *Хороший человек/ поможет сумку нести. Бабушка стоит/ он ей место уступит. Уступит сесть. Если его толкнут /он не толкнет/ а просто скажет/ не толкайся. Ср. по-*

словницы: *В лесу дров не нашел. У злой Натальи все люди канальи* (Кстати, данное наблюдение в каком-то смысле согласуется с известным положением о том, что речевой онтогенез личности имеет параллели с историческим развитием языка [5, с.64].) Реже предъявлялись этические предикаты более конкретной по сравнению с *хороший/ плохой* семантики (*Хороший человек - когда добрый, всем помогает*). Дети не используют предикаты-существительные - наиболее абстрактную форму выражения этической семантики, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования речевых механизмов абстрагирования. Дружба, пожалуй, единственная категория, которая концептуализируется посредством абстрактных предикатов. Как уже говорилось, последнее свидетельствует об актуальности данной категории и некоторой "продвинутой" морального сознания на этом участке.

Нам уже приходилось говорить о том, что высказывания, содержащие этическую оценку, притягивают пропозиции крупного масштаба. Высказывание *"Нельзя обижать маленьких"* звучит по-русски более естественно, чем высказывание *"Плохо, что ты обидел трехлетнего Колю"* [6]. Когда Н.Д.Арутюнова писала, что в сфере этики "действует супероценка", она имела в виду ее стремление подняться над нормами, рефлексией по поводу таких ситуаций, "где сквозь декорации обыденной жизни проглядывают более высокие ее начала" [7, с.229-230]. Нам представляется, что определение "супероценка" может быть истолковано и в том смысле, что это оценка, во-первых, чего-то значимого и, во-вторых, оценка, соответствующим образом представленная. Для языка этики характерна выражаемая разными средствами (в том числе продемонстрированным выше) идея генерализации аксиологически осмысляемой ситуации. При том, что 7-9-летний ребенок в силу своей лингвистической компетенции ограничен в возможностях выражения, детская модель языка этики так же, как и взрослая, содержит идею "укрупнения факта". В языковом сознании ребенка оценка тогда "дотягивает" до этической, когда ее объект (в типичном случае чей-то поступок) представлен не как единичный факт, а как повторяющийся, характерный для данного человека. О человеке нельзя сказать, что он плохой или хороший, если он сделал что-то, однако такая оценка возможна, если он делает это всегда. В детских высказываниях средством репрезентации укрупнения на лексическом уровне являются кванторы "весь" и "всегда". Характеризуя хорошего / плохого человека, дети говорили следующее: *Всегда всем помогает. Не жадничает, все дает. Делает все хорошее. Всегда всем уступает. Все-*

гда делает зло. Всем уступает и делает все хорошее. Все отбирает у маленьких. Из приведенных примеров видно, что указанные кванторы замещают в предложении практически все основные семантические позиции. Создается впечатление, что говорящему не важно, за счет чего увеличивается число ситуаций (то есть какая именно позиция будет занята) - важен сам факт придания примеру большего веса, благодаря квантору. На грамматическом уровне абстрагирование от конкретной ситуации манифестируется введением в высказывание ирреальной модальности. Для этой цели используются условные придаточные со скрепами *если* и *когда*: *Хороший человек/если его толкнут/он не толкнет/ а просто скажет/не толкайся. Плохой человек/это когда две девочки сидят/ а он их дернет за косички/ а они подумают/друг друга дернули /и поссорятся.* При отсутствии выраженных показателей условного придаточного значение условного наклонения выражается будущим временем глагола (грамматическое значение будущего времени, как известно, с неизбежностью предполагает некоторую ирреальность): *Вазочки с конфетами стоят/ гость попросит/ он скажет/ иди домой. Это который из рогатки в гнездо/ или кошку пнет. Мальчик подойдет/ скажет/ дай посмотреть машинку/ а он скажет/ это моя машинка. Бабушка попросит воды принести/ он принесет. Хороший человек уступит сесть.* Очевидно, что данные высказывания легко трансформируются в сложноподчиненные предложения с *когда* или *если*. Только в одном случае, вероятно, вспомнив реальную ситуацию, ребенок использовал в высказывании, характеризующем плохого человека, глагол в прошедшем времени: *На пляже шарик проткнул.* Заметим, что наши наблюдения над грамматикой этических высказываний ребенка коррелируют с замечанием Н.Д. Арутюновой, согласно которому "значение рациональной оценки, особенно этической, стремится освободиться от временных ограничений" [7, с.195].

На исследуемом материале любопытно проявляется также представленная в русском языке оппозиция добра/ зла, в которой зло обозначается как недостаток или отсутствие добра. Известно, что словарь содержит массу слов, которые начинаются с *не* и *без* и имеют при этом сему отрицательной этической оценки (*нелюди, негодяй, невежа, ненавистный, ничтожный, бессовестный, бездушный, беспардонный, бестактный, беспринципный* и т.д.). Примеры противоположного характера (в том числе *бескорыстный*.) не столь многочисленны. Поскольку "ребенок отдает предпочтение абсолютной системности перед языковой нормой" [8, с.89], можно

было предполагать, что первоклассники, не знающие значения слова с приставкой *без*, с уверенностью "вычислят" характер аксиологического знака. Так и оказалось. Ниже приводятся типичные толкования слова *"бескорыстный"*: *Дерево ломает. Ничего не умеет делать. Стоит машина/ он пинает. Он все время торопится. Все оставляет на потом.* Осознание (и освоение) детьми одной из существенных черт русского языка этики в данном случае проявилось весьма своеобразно.

Разрозненные на первый взгляд наблюдения имеют отношение к одной проблеме - проблеме онтогенеза этического сознания и языка этики на современном русском речевом материале. Выявленная закономерность заключается в том, что некоторые существенные черты "взрослого" языка этики присутствуют уже в сознании 7-9-летнего ребенка, отражаясь в его высказываниях. Еще раз перечислим эти черты. Семантическая модель объекта (языка этики), по данным детской речи, может быть представлена как оппозиция добра и зла, где зло - недостаток или отсутствие добра. Этические оценки сближаются с интеллектуальными и эстетическими (при отсутствии в высказываниях эстетической метафоры). В иерархии ценностей одно из первых мест занимает дружба. В концептуализации дружбы присутствует характерный для взрослой морали мотив испытания. Дети ощущают необходимость генерализации ситуаций, предъявляемых как этически маркированные, и осуществляют эту генерализацию доступными им способами. Речь ребенка, как и речь взрослого человека, отражает ментальные стереотипы русских. Специфика детской речи на глубинном (когнитивно-семантическом) уровне состоит не столько в особенностях концептуализации добра и зла, морального и аморального, сколько в средствах выражения. Отдельные речевые факты складываются в систему, которая отражает языковую концептуализацию этических представлений на разных стадиях онтогенеза последних.

- [4] Дьячкова И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке. Автореф. дис... канд. филолог. наук. Омск, 2000.
- [5] Лепская Н.И. Языковая номинация и процесс ее становления (на материале детских высказываний)// Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1984. №6. С. 59-65.
- [6] Орлова Н.В. Этические оценки// Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч.1. Омск, 2000. С. 47-58.
- [7] Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- [8] Лепская Н.И. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языкознания. 1994. №2. С.82-90.

- [1] Соколовская Ж.П. Систематизация и моделирование в семантических описаниях // Исследования по семантике. Уфа, 1983. С. 99-108.
- [2] Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- [3] Орлова Н.В. Лексемы добро, зло и их производные по данным словарей различного типа // Miscellanea: Памяти Александра Борисовича Мордвинова. Омск, 2000. С. 155-169.